

Тема

Николай Дорошенко

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Холодные войны, как и горячие, полны примеров не только отваги, но и особой дерзости. Например, на пике последних «холодных» противостояний Россия в геополитическом индустриальном была поставлена в один ряд с Северной Кореей. Хотя лет десять назад, когда, например, русские деятели культуры были в России такими же бесправными, как и, например, евреи да цыгане в фашистской Германии, российская «молодая демократия» иностранных оценщиков вполне устраивала.

Не стану утверждать, что сегодня госчиновники уже без расовых предрассудков финансируют развитие отечественной культуры. Но уже вроде бы не только секс- и национальностям, а и представителям традиционного для России русского большинства стали иногда вручаться государственные награды.

И - честное слово, я чуть ли не разрыдался от восторга, когда наш Президент на встрече с НАТОвской верхушкой не стал дирижировать оркестром и изображать из себя в соответствии с «общемировыми ценностями» человека с большой головой. Когда он вот так вдруг прямо, без загогулин, сказал о вашингтонском либеральном обкоме все, что мы, российское большинство, уже давно знаем и с чем, как показали опросы, невольно согласились 75% граждан ФРГ.

Ах, какое замечательное, какое же это сладкое ощущение нравственного родства с главою собственного государства! Не зря ведь и Лев Толстой, рассказывая о роковых событиях противостояния России с объединенной Наполеоном Европой, счел необходимым показать Петю Ростова (самую светлую русскую душу!) влюбленным в своего Государя Императора.

Впрочем, какой-нибудь наш романист наверняка напишет трагическую историю чувств современного Пети Ростова, уже возмужавшего, уже вернувшегося, например, из Афганистана и вдруг обнаружившего, что его Родиной правят инопланетяне, которые в силу своего непонимания нравственных основ земной цивилизации, наивно полагают, что земляне более всего ценят расизм, жестокосердие и предательство. Год за годом беспомощные и абсолютно бесправные россияне будут гадать о своем будущем по тем свечкам, с которыми инопланетяне, дабы не пугать землян своим слишком уж нечеловеческим видом, в праздники будут появляться в Божьих Храмах. А в последней сцене этого жуткого романа Петя Ростов включит телевизор и вдруг увидит, что главный населенник Кремля - сам Президент! - уже вполне очеловечился, и неприятелям, решившим извести россиян, читает ответ не с листа, а с чувствительного к правде и справедливости Петиного сердца.

Но, боюсь, что только самый наивный читатель воспримет эту сцену с умилением. А читатель более мудрый сначала представит всю величину завращанного Петиного разочарования. И - содрогнется.

Но, как в подобных случаях говорила моя мать, дайте самому доверчивому человеческому сердцу остаться хоть на минуточку радостным, а там уже что Бог даст, то и будет.

Вера и духовно-нравственная среда современной школы

XV Рождественские образовательные чтения

В рамках XV Рождественских образовательных чтений 1 февраля в конференц-зале Союза писателей России состоялось заседание секции «Реформы образования: вера и духовно-нравственная среда современной школы». Секцию подготовили и провели — доктор филологических наук профессор, член Комиссии по школьному образованию РАН Всеволод Юрьевич Троицкий и сопредседатель Союза писателей России, доктор исторических наук профессор Сергей Вячеславович Перевезенцев.

Во главу угла были поставлены не только общие проблемы современного образования, но и конкретные предложения, рекомендации, выработанные в ходе чтений. Следует также отметить, что в последнее время Рождественские чтения все более и более превращаются в собрания по обмену опытом, являясь некоей духоподъемной силой для тех, кто работает на этом «поприще широком».

Окончание на стр. 6

Живое слово

Евгений Юшин

***

*Мы — репейники, чертополохи,
Васильков полевые огни.
Мы — последние дети эпохи
На развалинах бывшей страны.*

*А ведь было
и детство счастливым,
И расцветная юность — в глаза.
Нас ласкали поречные ивы,
Угощали малиной леса.*

*Костровые мечтания пели
О ромашках в дорожной пыли.
И за радостью не разглядели,
Как страну из-под ног увели.*

*Потеряли и голос, и время.
И, дорогою русской пыля,
Чужеродцы — крапивное семя —
Заселяют родные поля.*

*Вот стоим у большой переправы,
Где страдания, порох и кровь,
Мы — последние дети державы,
Сохранившие только любовь.*

Стихотворения известного русского поэта Евгения Юшина см. на стр. 8

Имя

РУССКИЙ ВИТЯЗЬ ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

В этом году выдающемуся русскому писателю В.И. Белову исполнится 75 лет

Русские писатели как живут, так и пишут, то есть, их жизнь находит свое продолжение в творчестве. Как живу, так и пишу, как отношусь к окружающему миру, так и показываю этот мир в литературе. Искренность, непритворность в жизни и творчестве — признак русского национального, идущий от древнерусской литературы. В ней невозможна была увядшая от реальной жизни выдумка, ложь, лукавая маска. Литература Древней Руси — словесность благородного духовного стояния пред Богом, грандиозной ответственности за каждое слово, которое, сошло с Евангелию, есть Начало всех начал. Кроме того, прямота и простота всегда были свойственны русскому фольклору с его сказками и былинами, песнями и обрядами, пословицами и поговорками, с его героями-простецами и бесребрениками, их нелицемерным поиском правды.

Отсутствие маски, искренность с читателем — характерная черта подлинно русского таланта. Таким был Пушкин, не лукавивший ни в юношеских «падениях», ни в зрелом «вознесении» к истине. Такими были Гоголь, Тургенев, Тютчев, Некрасов, Достоевский, Чехов.

В XX веке в русской литературе открытость и честность перед читателями оставались неизменной чертой многих: М. Шолохова и М. Булгакова, Н. Клюева и С. Есенина, И. Бунина и И. Шмелева, А. Платонова и М. Пришви-

на, В. Шукшина и Н. Рубцова и многих других. Например, как жил Н. Рубцов бесприютным странником, причастным ко всему русскому, таким он и остался в «Русском огоньке», в «Видениях на холме» и в «Тихой моей родине».

Там, где есть искренность и ответственность за каждое слово, не может быть литературы узкотемной, отдаленной от жизненно важных проблем. Тем не менее, очень хочется некоторым деятелям от критики и литературоведения развести русских писателей по загонам: этот — городской, тот — деревенский, этот — производственный, тот — обличитель. Но подлинный талант, с какой бы тематикой ни начинал, всегда преодолевает местничество и ограниченность. Писатель, становясь национальным, обретает верное понимание народного образа мира, ощущает общенародный идеал, воплощает в слове народный путь к Богу.

Еще в 1970 году в статье «Деревенская тема в кино» Василий Иванович Белов объяснял ретивым искусствоведам: «Никакой чисто деревенской, замкнутой в себе проблемы нет, есть проблема общенародная, общегосударственная». Автономия и обособленность, по его мнению, выгодна тем, кто не способен (в силу ограниченности своего дарования) или осознанно не желает говорить и творить с общенародных позиций. Личной ограниченностью от общего потока жизни многие стремятся «маскировать» творческое убожество и халтуру».

(Окончание на стр. 2-3)

Память

Олег Зобов родился 23 февраля, в День защитника Отечества.. В издательстве «Российский писатель» вышла книга, рассказывающая о его жизни и о его воинском подвиге.

Стр. 14

Культура

ОБРАЗ РОДИНЫ

54 млн. рублей выделило государство на биеналле - контркультурную выставку, способствующую не только эстетической, но и нравственной деградации граждан России. Между тем, на общероссийскую выставку работ настоящих художников, равных которым уже не осталось в мире, из казны не было затрачено ни копейки. А это значит, что наша власть своим культурным уровнем просто не соответствует великим культурным традициям нашей страны.

Огромная, во весь фронтон Центрального дома художников в Москве надпись сообщила об открытии выставки «Образ Родины. Русская пейзажная живопись» - той выставки, которая с большим успехом уже прошла в русских городах Орле, Вятке и Во-

логде и переехала в начале февраля в столицу. Гигантский плакат поглотил рекламки выставок модернистов, похожие с их доморошенными претензиями на престол в русской живописи на пакостные граффити.

(Окончание на стр. 3)

Николай Крижановский.

кандидат филологических наук
станица Прочноокская,
Краснодарский край
(Окончание. Начало на стр. 1)

Автономность, замкнутость на одной теме никогда не были свойственны В. Белову. Сын погибшего на Смоленщине в 1943 году русского солдата, он всем своим творчеством, каждым своим словом защищает не только северные деревни, не только крестьян, но и всю Россию, весь свой народ.

***

Русская боль Василия Белова ошущима во всех произведениях. Писатель всегда прямо говорит о достоинствах и недостатках жизни родного народа, родной страны.

В. Белов, как многие его современники и единомышленники, прямодушен и открыт. Публицистика и художественные произведения писателя, даже если они порой игриво-насмешливы («Бухтины вологодские»), становятся предельно честным разговором с читателем. И никакой карнавальности, массовочности, никакого глумления.

Современный русскоязычный писатель Вл. Сорокин обдаёт читателя фекалиями, гадит матом, выдает прочие нечистоты, а в своей жизни ничего подобного написанному им в произведениях ни в коем случае не допустит. Утонченный садомазохист и ниспровергатель ценностей, поэт извращений и «цветов зла» Виктор Ерофеев на самом деле очень прагматичный человек с ярко выраженной ориентацией на отнюдь не русские народные ценности. Искусство и литература для сорокинских, ерофеевских и им подобных (от Саши Соколова до Григория Остера) — это место заработка, а не священный алтарь. Такой типично западный подход к словесному, да и вообще любому творчеству стал основой для многих авторов.

В. Белов — наследник русских классических литературных традиций. В центре внимания писателя — русский человек в его поиске ответов на главные вопросы: кто я? зачем я? Герои произведений В. Белова путем страданий, испытаний, утрат обретают ответы на эти вопросы. Всех своих читателей он ведет к постижению самоотреченной любви к ближним и к Родине, к христианскому миропониманию, к традиционной жизни в согласии с идеалами предков. По этому пути идут Гринев А. Пушкина, Раскольников Ф. Достоевского, Пьер Безухов и Андрей Болконский Л. Толстого, Иван Северьянович Н. Лескова, студент Иван Великопольский А. Чехова и многие другие герои русской литературы. Личность, наделенная нравственным поиском и способностью к духовному развитию — достаточно частое явление в художественном мире В. Белова. Можно вспомнить Ивана Африкановича («Привычное дело»), Ивана Тимофеевича («Весна»), майора («За тремя волоками»), Олешу Смолина и Константина Зорина (цикл «Воспитание по доктору Споку»), Ивана и Медведя («Все вперед»), Павла Пачина, Владимира Прозорова, о. Николая (романная трилогия «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой»). Такой герой близок автору, поскольку подобный путь проходит в жизни сам писатель.

Характерен для произведений Белова тип православной личности, неразрывно связанной с народной христиански-традиционной жизнью. Это и Катерина («Привычное дело»), и старуха Дарья («Такая война»), и теща Зорина (цикл «Воспитание по доктору Споку»), и о. Иринея, дед Никита Рогов («Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой»).

Русских, предавших свою веру, своих предков, свое прошлое В. Белов показывает в обилии. Например, Игнаха и Селька Сопронова, Николай Микуленков, Петр Штырь и др. («Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой») уполномоченный Бессонов (рассказ «Скакал казак»), Паша Куврик («Такая война»). Такое пристальное внимание к отрицательным про-

явлениям русской жизни является выражением типичной черты русской культуры и литературы, названной В. Кожинным «потребностью «самосуда»». Именно этой потребностью можно объяснить критичность многих произведений писателя. Человек, мало-мальски интересующийся отечественной словесностью, без труда найдет у многих русских классиков XIX—XX веков героев, соответствующих двум последним типам личности.

Особенно ошущима связь творчества В. Белова с шолоховскими произведениями, с шолоховским мироощущением. Главный герой романной трилогии писателя Павел Пачин, как и Григорий Мелехов, неразрывно соединен с народной жизнью, с родной землей. Трудный путь испытаний ведет обоих к обретению подлинно русских ценностей. Сходство характеров иных персонажей Белова и Шолохова просто удивляет. Штокман и Меерсон — это почти идейные близнецы с интернационально-коммунистическим и антирусским сознанием. (У этой двойки есть еще литературные «родственники». Один из них — Чекистов из «Страны негодяев» С. Есенина). Достойными наследниками Меерсона и Штокмана, сменившими идею мирового коммунизма на идею глобального эгоизма, в художественном мире В. Белова становятся Михаил Бриш («Все вперед») и корреспондент («По 206-й»). Борец за советскую власть Михаил Коршунов в своем развитии вполне мог стать подобным Авинеру Козонкову.

***

Василий Белов пробился в люди и стал известнейшим писателем в советское время. Это, конечно, наложило определенный отпечаток на его личность. Но вот что интересно: коммунист Белов нигде не превозносит советскую власть и партию, нигде не поет здравицу руководству страны. Он всегда (в художественном творчестве в первую очередь) мыслит категориями государственно-народными, поднимается над узко политическим пониманием жизни на просторы исторического видения жизни России и народов, населяющих ее. Даже в очерке о заграничном походе кораблей военно-морского флота «За дальним меридианом», где сам собой напрашивался «выход» на политические проблемы, Белов говорит о верности Родине и родным, о русской истории, героизме наших моряков.

***

Думается, что самым трудным и переломным для писателя стало время сразу после выхода в свет романа «Все вперед». Если осуждение троцкизма в «Канунах» почти не было замечено, встреча Зорина на охоте с нравственным уродством интеллигентов-провокаторов («Чок-получок») вызвало злую, но не сильную реакцию противников писателя, то публичное осмысление В. Беловым духовной сути московской леволиберальной антирусской интеллигенции в романном повествовании, названном «Все вперед», дало эффект воткнутой в муравейник палки. Сколько было обвинений, крику, визга, угроз в адрес писателя! Роман В. Белова по силе воздействия на общество сопоставим только с повествованием Ф. Достоевского «Бесы». Сегодня мы можем с уверенностью сказать: в 1985 году был написан роман-предостережение, роман-пророчество.

Левые критики все как один провозгласили «Все вперед» творческой неудачей писателя (хотя и среди правых некоторые пришли к такому выводу. Достаточно вспомнить реакцию И. Золотусского). Логика зюлов проста: раз ты «деревенщик» — пиши о деревне, а в «чужой огород» не суйся. Тем более в огород московский. Они будто не заметили, а может, сделали вид, что не заметили направленность всего творчества В. Белова на всю Россию, а не на ограниченное пространство северной деревни. В 60-е они не увидели Ивана Африкановича («Привычное дело») — русского солдата и крестьянина, задающего себе и миру главные вопросы бытия, проскочили мимо майора («За тремя волока-

ми») с его глубоким пониманием жизни; в 70-е не разглядели цикл «Воспитание по доктору Споку», исторический роман-хронику «Кануны» (как впрочем и последующие романы трилогии с их пристальным вниманием к жизни в городе), не поняли «Лада» — поэтического повествования о традиционной жизни всей деревенской России; в начале 80-х не увидели пьес Василия Белова на сцене, не прочитали рассказа «Одна из тысячи» и многое другое. Как же при этом не изумиться тому, что В. Белов «вдруг взял да и написал» роман о Москве и

подлинный водораздел в художественном мире Белова проходит не между городом и деревней, а между жизнью живой и механически заведенной

***

В статье о В. И. Белове (Русские писатели XX века: Биографический словарь. — М., 2000.) А. Большакова говорит о грани, разделяющей Белова-художника и Белова-публициста. Первый, по ее мнению, «в лучших произведениях верен себе, своему утонченному психологизму и объективно-философскому взгляду на жизнь», а

началу 1990-х годов и в публицистике писателя появляется прямое выражение религиозного, православного осмысления мира, делающее журналистское слово В. Белова возвышенно-трагическим. Писатель приходит к мысли: русский — значит православный, которую с особой силой выражает в очерке «Дорога на Валаам» и воспоминаниях о В. М. Шукшине «Тяжесть креста».

***

В недавно вышедшем учебнике Н. Лейдермана и М. Липовецкого (Со-

Русский витязь Василий Белов

москвичам? Изумились в 1986-м и продолжают недоумевать по сей день.

Сразу после выхода романа на писателя навесили ярлык фашистско-ксенофобно-антисемита. На публикацию произведений Белова было наложено табу, действующее на многие издательства и по сей день.

Роман «Все вперед» вызвал очередное обвинение писателя в фарисействе и в желании переложить все беды русских на прогресс, город, другие народы. Но мало кто заметил, что именно русские Медведев, Иванов и Зуев наиболее грешные и виновные в своих бедах. Писатель не идеализирует главных героев, показывает их только в начале пути духовного становления, когда им очень далеко до взвешенного осмысления жизни. Кроме того, Белов показал самый распространенный тип интеллигента-космополита, сыгравший решающую роль в начинающейся в 1985 году разрушительной перестройке. Нетрудно узнать в Брише а также его двойниках (академике, журналисте и прочих) А. Чубайса, Е. Гайдара, Г. Бурбулиса, В. Познера и им подобных застрельщиков разрушения России.

Формулировки, прозвучавшие из уст левых (и не только левых) критиков (Н. Ивановой, В. Лакшина, А. Мальгина, Д. Урнова, П. Ульяшова, И. Золотусского и других) во второй половине 1980-х — начале 1990-х, старательно и почти дословно повторяют их преемники в начале XXI века. Например, попытка Н. Лейдермана и М. Липовецкого осмыслить «Все вперед» приводит их к следующему пониманию логики автора произведения: «...что ново, что не деревенское, что «русским духом» не пахнет, то дурно». Им вторит А. Большакова, утверждая, что роман Белова вступает «в резкое противоречие с предшествующими светлыми страницами» творчества писателя.

Так значит, страницы произведений В. Белова, где он показывает пьяного и ослабленного быстрым городским заработком Ивана Африкановича, смердящего канцеляршиной и себялюбием Авинера Козонкова, мстительно-подлого Игнаха Сопронова и других не самых лучших своих героев-крестьян — это светлые страницы? Наверное, для критикессы они светлые потому, что она не жила и не живет вместе с крестьянством. Для нее, как, впрочем, и для многих ей подобных, мир русской деревни — чужой мир. Что бы там ни происходило, все это где-то «там». Но когда Белов показал, что не только в деревне есть уроды, мерзавцы, подлецы, что они живут и в Москве — его сразу объявили очернителем столичного бытия.

Может возникнуть возражение — речь у Большаковой идет о внутреннем ладе, проявившемся в изменении стиля писателя. В произведениях о городе, утверждали левые, стиль совсем иной — ломаный, беспокойный. Нет воспевания городской жизни, все видится вымороченным, в уродливом виде. На это замечание уже давно ответил Ю. Селезнев, указавший, что

отношение к миру второго подчас резко и односторонне критично «до самоотрицания, до противоречия тому внутреннему ладу, который с большим трудом и терпением создается рукой Белова-мастера на страницах его «деревенской прозы»» (82). Думается, что более издевательское отношение к писателю трудно было выразить в рамках не очень большой обзорной работы.

Некоторое противостояние публицистического и художественного начал наблюдается на раннем этапе творчества В. И. Белова в 1960-е-1970-е годы. Достаточно вспомнить его глубоко религиозные художественные прозрения в «Привычном деле», в «Плотничьих рассказах», в «Канунах» и во многих других произведениях и сравнить их с пониманием мира, воплощенным в публицистике того же времени. Почему так происходит? Да потому что в публицистике мы видим еще сырую, не обработанный художественным сознанием материал, который писатель не в силах удержать в себе. Яркое свидетельство тому — документальная повесть «Раздумья на родине» (1965-1975), в героях и ситуациях которой легко узнаются приметы ряда беловских рассказов. Но в последних все предстает в ином, глубоко осмысленном виде.

В публицистике Белов «говорит» о том, что наболело, а в беллетристике он «поет». И в эту песню влетает еще вся жизнь с ее любовью и болью, с ее радостями и скорбями. Мелодия этой песни истинно русская, то печально-трогательная, то радостно-призывная.

Постепенно, к концу 1980-х —

временная русская литература. 1950 — 1990-е годы. В 2-х т. — М., 2003.) творчеству В. Белова отводится очень и очень скромное место. (Намного меньше, чем творчеству Ф. Искандера, Вл. Сорокина, Вл. Маканина, Иосифа Бродского и даже Саши Соколова) Авторы белго обращаются к анализу повести «Привычное дело» и обзорно затрагивают «Плотничьи рассказы», «Лад» и «Все вперед».

Особое внимание в учебнике почему-то уделено взаимодействию гололов в произведении. Аналитическая часть статьи о «Привычном деле» выдержана в стиле административного слововертания Авинера Козонкова: «В устройстве мира «Привычного дела» объективируется та закономерность диалектического движения бытия, которую выражали народно-поэтический и авторский голоса» (Т. 2. С. 71). Завершая рассуждения о повести «Привычное дело», Лейдерман и Липовецкий приходят к такому выводу: «В. Белов не только дал развернутую картину очень непростой духовной жизни народа, но и ясно представил путь, по которому может и даже должен пойти сегодня каждый человек — это путь возвышения к мудрому миропониманию и ответственному самосознанию» (Т. 2. С. 72). Эти возвышенные, но ни к чему не обязывающие, а также и ни к кому конкретно не обращенные общие слова на фоне абсолютного пренебрежения авторов учебника к национальным проблемам, к подлинно русским (а не русскоязычным) писателям и конкретно — ко всему творчеству В. Белова свидетельствуют о многом.

При рассмотрении «Плотничьих

